

RU

Динамика распределения авторского комментария в художественной прозе. На материале романов XVIII-XX вв.

Дейкун И. Д.

Аннотация. Цель исследования – нахождение закономерностей динамики количественного распределения авторского комментария как комплекса внутритекстовых и внетекстовых примечаний в художественном произведении. В статье выявляются два вида таких комплексов: адаптационный авторский комментарий, который убывает по ходу повествования, и концепционный, который, наоборот, возрастает. На материале трех романов, принадлежащих разным стадиям литературного процесса, демонстрируется, что при структурной зависимости авторского комментария от композиции произведения общие закономерности его динамики постоянны, в целом исторически константны. Научная новизна исследования состоит в том, что ранее разрозненные интуиции исследователей в данной статье впервые оформляются в программу эмпирического исследования. В результате исследования отработан алгоритм работы с комплексом авторского комментария в художественном повествовательном тексте, указано на то, что в одном и том же комплексе реализуются две динамики, убывающая и возрастающая, но они не зависят от внетекстовой или внутритекстовой формы комментария, а подчиняются собственным закономерностям комплекса примечаний, интегрированного в композицию произведения.

EN

Dynamics of the distribution of author's commentary in literary prose: based on novels from the 18th-20th centuries

I. D. Deikun

Abstract. The aim of the research is to find patterns in the dynamics of the quantitative distribution of author's commentary as a complex of intratextual and extratextual notes within a literary work. The article identifies two types of such complexes: adaptational author's commentary, which decreases as the narrative progresses, and conceptual author's commentary, which, on the contrary, increases. Using the material of three novels belonging to different stages of the literary process, it is demonstrated that, with the structural dependence of the author's commentary on the composition of the work, the general patterns of its dynamics are constant and, on the whole, historically constant. The scientific originality of the research lies in the fact that previously scattered intuitions of researchers are, for the first time, formulated into a program of empirical research in this article. As a result of the research, an algorithm for working with the complex of author's commentary in a literary narrative text has been developed. It is indicated that two dynamics, decreasing and increasing, are realized in the same complex, but they do not depend on the extratextual or intratextual form of the commentary, but are subject to the own patterns of the complex of notes integrated into the composition of the work.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью проведения эмпирического исследования авторского комментария как комплекса внутритекстовых и внетекстовых примечаний в повествовательном художественном тексте, рассмотрения закономерностей этого комплекса как целого, включенного в еще большее целое художественного произведения. Современные исследования авторского комментария в поэтическом тексте сосредоточены на анализе роли примечаний среди периферийных элементов текста, в прозаическом повествовательном тексте авторский комментарий изучается в свете функций нарратора как повествующего субъекта, в теории комментария уделяется внимание его целостным характеристикам, но без учета специфики комментируемого текста, его художественного статуса. Результаты этих исследований существуют параллельно и предполагают параллельные объекты: авторское примечание и нарраториальный комментарий.

На наш взгляд назрела логическая необходимость для интегрального и многоаспектного рассмотрения авторского комментария в художественном произведении с точки зрения его закономерностей как целого.

В ходе исследования мы решали следующие задачи. Во-первых, с помощью метода функциональной классификации притекстового комментария, выработанного в отечественной текстологии, мы выявили своеобразие авторского комментария, который принадлежит одновременно и справочно-фактографическому, и художественно-литературному дискурсу, дифференцировали два его типа по критерию стратегии пояснения текста. Во-вторых, с помощью методов точного литературоведения и композиционного анализа произведения, в частности с помощью эмпирического подсчета частоты появления авторского комментария по ходу повествования, определили два структурных типа распределения комментария в художественном произведении.

Предметом нашего исследования является авторский комментарий в повествовательной прозе как комплекс внутритекстовых и внетекстовых примечаний. Материалом исследования являются три романа, принадлежащие трем столетиям русской литературы:

- Битов А. Г. Пушкинский дом. Империя в четырех измерениях: в 4 кн. М.: АСТ, 2013. Кн. 2.
- Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 8.
- Эмин Ф. Непостоянная фортуна, или Приключения Мирамонда. М.: Университетская типография; Типография Н. Новикова, 1781. Т. 1-3.

Авторскому комментарию в прозе посвящены многочисленные работы зарубежных и отечественных ученых, составляющие теоретическую базу данного исследования. Особенно велика в этом заслуга немецких нарратологов В. Вольфа (Wolf, 1993), А. Ньуннинга (Nunning, 2004), М. Флудерника (Fludernik, 2003), которые дали подробнейшую классификацию авторского метафического комментария. Из новейших работ следует отметить книгу М. Вайзмана (Vaisman, 2021), где специализированно проводится анализ авторского комментария в русской литературе середины XIX века. Среди отечественных исследований фундаментальными работами являются монография В. Б. Зусевой-Озкан (2014), а в изучении комментария – коллективная монография под редакцией Т. А. Касаткиной (Комментарий. Теория и практика, 2024).

Однако, насколько нам известно, до сих пор не было обращено внимание на то, что авторский комментарий обладает отчасти независимой от произведения единой структурой распределения, которой подчиняются как внетекстовые, так и внутритекстовые его части. Поэтому в данной статье мы восполняем эту лауну, концептуально обосновывая возможность его целостного рассмотрения в свете проблемы его роли в композиции произведения.

Практическая значимость состоит в разработке гибридного трехступенчатого метода, предполагающего, во-первых, определение субъекта авторского комментария в тексте, его коммуникативной стратегии, во-вторых, содержательную классификацию комментария, в-третьих, подсчет плотности комментария в повествовании, с учетом композиции произведения. Также в теоретическую поэтику вводится новый объект – композиция комплекса примечаний. Результаты данного исследования можно использовать в ходе семинаров по анализу художественного текста, включать в лекционные курсы по теории и истории русской литературы, в специальные учебно-методические пособия в области текстологии и исторической поэтики.

Обсуждение и результаты

Концепционный и адаптационный типы авторского комментария.

Стратегия пояснения и образ распределения

Авторский комментарий прямо связан с метапоэтикой художественного произведения и входит в его композиционный строй. С одной стороны, это делает его более сложным и разнообразным феноменом, так как он выполняет одновременно справочно-информационную и эстетическую функции. С другой стороны, это ограничивает его посредством включения в систему зависимостей от художественного произведения. Обрисовывается та же парадоксальная картина, что отмечена В. Б. Зусевой-Озкан на материале метаромана: «Метароман и более каноничен, чем роман вообще, и далеко не столь каноничен, как названные жанры...» «исторического, плутовского, авантюрного романа» (2014, с. 10). Авторский комментарий в прозаическом тексте имеет две ключевых разновидности. В основном теле текста, в полосе текста на странице, он часто сливается с нарраториальным комментарием, композиционной формой нарраториальной медиации, die Vermittlung der erzählten Welt – опосредования повествуемого мира (Metzler Lexikon..., 2008, р. 174), которым обеспечивается успех художественной коммуникации. Так, Б. Форт и Й. Котен (Fořt, Koten, 2023) называют комментарием (commentary) один из четырех речевых режимов нарратора, наряду с описанием, повествованием и рассуждением. Здесь имеются в виду разнообразные пояснения, которые, как уточняет П. Доусон «дополнительны по отношению к нарративу» (Dawson, 2016, р. 150). Такой «комментарий» теряет связь со своей жанровой спецификой. Его следует дополнительно дифференцировать, выделив в нем пассажи, входящие в скобки. Парантезы или скобки с комментарием нарратора, как отмечают исследователи (Шмелев, 2006; Алтымбаева, 2020), могут выполнять функции ремарки и глоссы, то есть функционально представлять собой включенное в текст внетекстовое примечание. С другой стороны, как отмечает В. Вольф (Wolf, 1993), некоторые элементы периферии текста способны осуществлять ту комментативную функцию, которая схожа с пояснениями нарратора. В том же духе К. Ридьоф указывает на комментирующую функцию эпиграфа в прозе, который подчас является «средством выражения дидактического авторского комментария (authorial commentary)» (Readioff, 2023, р. 89). Таким образом, исследователями замечена интерференция функций внетекстового и внутритекстового авторского комментария.

Для нас важно отметить, что, имея возможность быть вынесенным за пределы текста или, наоборот, включенным в него, комментарий прежде всего подчинен тексту, по крайней мере конструктивно, отсюда формула «комментарий – спутник текста» (Рейсер, 1978, с. 145). Особенно подстрочные примечания показывают, что комментарий связан с количеством потенциально непонятных мест и их распределением в тексте. Как и обычный комментарий, авторский комментарий может быть классифицирован по критерию преобладающей стратегии пояснения. Так, Ю. М. Лотман выделил «текстуальное» пояснение, «объясняющее текст как таковой», то есть реалии, незнакомые слова, реминисценции, и «концепционное» пояснение, когда, «опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации» (1983, с. 6-7). Мы предлагаем разделять авторский комментарий по приведенным стратегиям пояснения. Следует, правда, «текстуальный» авторский комментарий называть «адаптационным», так как авторская глосса или фактографическая справка обязательно служат не только информированию, но и указанию на необходимую рецептивную компетенцию. Это всегда автокоммуникация как «смыслооткрывающий речевой акт» в его отношении к «текстопорождающему» (Тюпа, 2010, с. 81).

Авторский комментарий, так же, как и обычный комментарий, обладает некоторой структурной автономностью: «существуют законы построения комментария как целого», текстуальный комментарий, если дан к большому целому произведению, «убывает от начала к концу» (Брагинская, 2007, с. 26). К. А. Баршт, говоря об «авторском» комментарии как о неакадемическом, вольном и нестрогом, то есть, очевидно, о концепционном, замечает, что в этом случае мы имеем дело со «вторичной нарративной» (2009, с. 289).

Наш тезис заключается в том, что в авторском комментарии эти две особенности превращаются в закономерности, которые, более того, являются исторической константой. Наблюдения показывают, что вне зависимости от стадии литературного процесса, по крайней мере в прозаических произведениях с XVIII по XX век, авторский комментарий имеет два основных структурных типа распределения: авторский адаптационный комментарий склонен убывать от начала к концу повествования, а авторский концепционный комментарий, наоборот, – возрастать за счет того, что в нем присутствует вторичная нарративная, а также он имеет собственную логику развития заявленного концептуального тезиса. Используя понятие «распределения», мы следуем концепции точного литературоведения Б. И. Ярхо, включающей метод «порядкового анализа произведения» (2006, с. 48).

Проза с ярко-выраженными авторским концепционным комментарием не многочисленна для составления корпуса, однако достаточно велика, чтобы быть приведенной в одной статье. Поэтому мы ограничимся материалом, подпадающим под критерий репрезентативности, а именно возьмем три романа, которые принадлежат к разным стадиям и субпарадигмам литературного процесса. Соответственно к классицизму как субпарадигме стадии «рефлексивного традиционализма» (Аверинцев, 1996, с. 108), к постромантизму как субпарадигме стадии «креативизма» (Тюпа, 2023, с. 23) и к «постмодернизму», то есть к хронологически последней «субпарадигме метакреативизма» (Тюпа, Максимова, 2022, с. 17). Выбранные произведения имеют радикально отличную друг от друга композиционную схему, но содержат обильный концепционный и адаптационный авторский комментарий, как внутритекстовый, так и внетекстовый.

Динамика авторского комментария в прозе эпохи классицизма.

«Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда»

Роман Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» (1763) – яркий пример любовно-приключенческого романа XVIII века с очень четкой клишированной сюжетной схемой: встреча – разлука – воссоединение любящих героев; – с «кумулятивной интригой», заключающейся в «нагромождении однотипных эпизодов, ведущих к катастрофе» (Жиличева, 2022, с. 230); с элементами рамочного повествования, в которое включены вторичные истории. Авторский комментарий здесь составляет многоступенчатый комплекс: от внетекстовых примечаний до внутритекстовых парантез в повествовании вторичных нарраторов, являющих в своих размышлениях авторские функции. Тем интереснее, что во всех повествованиях совершенно четко прослеживается убывающая динамика адаптационных примечаний и возрастающая – концепционных.

Так, в трех томах распределение подстраничных примечаний имеет повторяющуюся нисходящую динамику для адаптационных примечаний. В первом томе 3 из 4 фактографических примечаний находятся в первой трети произведения. Они служат адаптации читателя к описываемым реалиям, включены в структуру географической экспозиции, как, например, в эпизоде появления Мирамонда в Португалии дается пространное описание нравов, перетекающее в памфлет против иезуитов. В нем к месту «Все Иезуиты были ему подвластны, как первому своему Провинциалу...» приводится подстраничное примечание: «Провинциал старшинство имеет над всеми игумнами и монахами в одной Провинции» (Эмин, 1781, т. 1, с. 61). То же происходит и при описании приключений героя в Лондоне, к слову «маэстро» (Эмин, 1781, т. 1, с. 69) или ранее к «маврам» (Эмин, 1781, т. 1, с. 56). Последние два случая – глоссы, распространенные до краткой историко-политической справки. Это, в частности, подтверждает наблюдение исследователей о том, что глосса представляет собой «минимальный комментарий» (Малышев, 2019, с. 74). Со второй половины повествования в 1-м томе характер примечаний меняется. Увеличивается их количество, содержательно они становятся мифологическими. Мифологических примечаний 17. Из них 2 даны к речи нарратора и 15 – к речи персонажей, к их письмам, диалогам и монологам. Они выполняют двоякую функцию. С одной стороны, без пояснения мифологических имен не работают риторические фигуры, в которые входят имена божеств. Так, например, если читателю не объяснить, что «Марса древние народы за бога воинства почитали», то не сработает фигура перифразы: деревня, «которая Марсу жертвою была» (Эмин, 1781, т. 1, с. 222). С другой стороны, мифологические примечания даются в подавляющем числе к восторженной

и экзистенциальной речи героев, маркируя высокий стиль, как бы удостоверяя поэтическое качество этих фрагментов текста. Роль мифа в литературном самосознании эпохи классицизма позволяет считать мифологические справки и пересказы метапоэтическими в смысле введения образца и его анализа в произведение. Первый том «Непостоянной Фортуны» можно считать образцовым для нашего исследования, так как его полностью занимает повествование первичного нарратора, тогда как во втором томе большая часть рассказа ведется Феридадом, другом Мирамонда, а в третьем последовательно сменяются рассказчики Бенадир, который является дядей Мирамонда, султан Фетах, Шах Азем, Рукия, служанка Шах Азема. Однако и в повествовании вторичных нарраторов должны проследиваться те же закономерности, но только со смещением по телу текста в зависимости от их начала. Действительно, четыре фактографические примечания, три из которых оказываются во второй трети второго тома с 90-й по 180-ю страницу, и 1 из которых падает на вторую половину тома (после 188 страницы), оказываются не просто в первой половине, но и четко в первой трети, и одно – в начале второй трети рассказа Феридата, занимающего пространство с 93-й страницы по 274-ю. А последнее, мифологическое, примечание падает на конец его повествования. В третьем томе есть всего одно фактографическое примечание на с. 227. Его положение в конце тома противоречит закономерности, хотя глобально, в рамках всего романа, оно не аномально. Но если мы рассмотрим конкретное место текста, то увидим, что это пояснение композиционно принадлежит началу одной из заключительных любовных перипетий, любви Шаха Азема и Агаты, сестры Мирамонда, и падает на экспозицию их любовных отношений, начинающуюся после дидактического заключения первичного нарратора о любви. Первичный нарратор восклицает: «Ах любовь, любовь! Всякому ты горестна...» – и после этого рассуждения, занимающего 1 страницу текста, следует отчетливый переход к новой сюжетной линии, вводится последняя новелла: «Принц Камбайской пришел в дом индейского купца...» (Эмин, 1781, т. 3, с. 226), где на следующей странице дается примечание к слову «Бедестен», куда сходил индейский купец: «Бедестен называется тот дом, в котором все клейноды и драгоценнейшие вещи продаются» (Эмин, 1781, т. 3, с. 227). Таким образом, мы обнаруживаем, что нисходящая динамика адаптационных примечаний неизменна в трех томах романа и как бы перемещается в зависимости от места нарратива в композиции.

Динамика примечаний в прозе эпохи реализма. «История одного города»

То же мы видим и на примере такого отличного от «Непостоянной Фортуны» романа, как «История одного города» (1870) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это сатирическое произведение, чей эффект зиждется на постоянной смене предполагаемой модальности восприятия, зависящей от того, отношения между каким текстом и претекстом для читателя первичнее: пародийное между «Историей одного города» и летописным текстом или «Историей государства Российского» (1818-1829) Н. М. Карамзина или сатирическое между текстом действительности и текстом произведения. Огромную роль в настройке читательского внимания играют примечания, которые имеют вид историко-фактографических и редакторских уточнений, аппаратных ссылок, но также включают в себя более широкий реестр приемлемых в XIX веке, и особенно разработанных в литературной периодике, реакций редактора, например, спор с текстом, эмоциональная реакция, дополнение, цитирование. В произведении сливаются несколько формальных стратегий комментирования: в примечаниях, в парантезах по тексту, а также в отдельном пассаже на страницу, графически выделенном линиями. Тем знаменательнее, что в этом многообразном комплексе прослеживаются убывающая и возрастающая динамики комментария вне зависимости от его формы.

Так, комплекс подстраничных, в основном фактографических, примечаний, несомненно, убывает от начала к концу: из 23 на первую треть приходится 15 примечаний, на вторую – 2, на третью – 6. Причем на первую же треть повествования приходятся установочные примечания, которые служат адаптации читателя к издательской стратегии презентации летописного текста и отношения издателя к летописцу. Так, например, вводя главу «Органчик», фиктивный издатель пишет: «По “Краткой описи” значится под № 8. Издатель нашел возможным не придерживаться строго хронологического порядка при ознакомлении публики с содержанием “Летописца”». Сверх того, он счел за лучшее представить здесь биографии только замечательнейших градоначальников...» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 280). Примечательно здесь не только объявление стратегии и издательская манера, свойственная авторскому журналу, но и первая внутренняя ссылка на данную выше «Краткую опись», фиктивный документ. «Опись» играет ключевую роль в авторской стратегии достижения эффекта достоверности. В пользу этого говорит и распределение в первой трети повествования всех (четырех) парантез, содержащих справочные ссылки на «Опись», как, например, в данном предложении: «Бывали градоначальники истинно мудрые, такие, которые не чужды были даже мысли о заведении в Глупове академии (таков, например, штатский советник Двоекуров, значащийся по “описи” под № 9)» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 281). И далее тут же вспомнили даже беглого грека Ламврокакиса (по «описи» № 5), вспомнили, как приехал в 1756 году бригадир Баклан (по «описи» под № 6) (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 281). Эти справочные ссылки, вполне уместные в примечаниях под страницей, очевидно, должны быть атрибутированы не нарратору, а фиктивному издателю, однако они находятся в тексте. Другой стратегией адаптации к достоверности, но уже принадлежащей пародийному плану, служат парантезы, содержащие «оригинальные» цитаты летописца. Их количество в тексте романа равно 10, и 7 из них приходятся на первую половину повествования. Иными словами, наблюдаем распределение, свойственное адаптационным примечаниям. Напротив, вторая половина изобилует аномальными комментариями, реализующими определенную авторскую концепцию. Наиболее яркий из них, это прямой авторский дискурс о достоверности повествования, находящийся во второй половине второй трети романа

и делящий повествование на до и после: «Очень может статься, что многое из рассказанного выше покажется читателю чересчур фантастическим...» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 348). Это металепсис, разрушение повествовательной иллюзии, прямой дискурс нарратора о своем повествовании, причем о его референциальности. В нем проводится концепция нарратора, как читателю следует воспринимать этот текст: «История города Глупова прежде всего представляет собой мир чудес, отвергать который можно лишь тогда, когда отвергается существование чудес вообще» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 348). И далее: «Все мы знаем предание о Бабе-яге-костяной-ноге, которая ездила в ступе и погоняла помелом [...]. Но никто не задается вопросом: почему же народная фантазия произвела именно этот, а не иной плод?» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 348). Иными словами, нарратор постулирует социально-идеологическое основание под фантазией о городе Глупове, предлагая гипотезу прочтения текста. Этот комментарий внутритекстовый, но выделенный графически линиями в отдельный фрагмент. После концептуальной перенастройки подстрочные примечания становятся иными. В них выносятся, например, такая беспрецедентная читательская реакция: «Какие дураки, клянусь богом! Какие дураки эти глуповцы!» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 376). Внутритекстовые парантезы перестают быть справочными. На вторую половину приходятся все 7 парантез в речи персонажей, то есть их собственные апарте. Все два металепсиса, как, например, в предложении «Тогда припомнили, что в Стрелецкой слободе есть некто, именуемый “расстрига Кузьма” (тот самый, который, если читатель припомнит, задумывал при Бородавкине перейти в раскол)» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 376). Две из трех внутритекстовых читательских реакций нарратора, в их числе уникальный вопрос к месту текста, как в предложении: «Он сам чувствовал всю важность этого вопроса, и в письме к “известному другу” (не скрывается ли под этим именем Сперанский?)...» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 358). Концептуальную роль играют также аналитические и интерпретационные вторжения нарратора в парантезах, большинство из которых приходится на вторую половину повествования; издательско-редакторские стилистические рассуждения, как, например, в парантезе «(летописец везде, вместо слова “убеждения” ставит слово “норов”)» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 354). Таким образом, проведенный анализ показывает, что в «Истории одного города» не только подстрочные примечания, но также и парантезы, и вообще все комментаторские выступления нарратора разделяются на два комплекса, каждый со своей динамикой распределения.

Постмодернистская метапоэтика в романе «Пушкинский дом» и распределение авторского комментария

В плане многогранности использования авторского комментария одним из наиболее репрезентативных произведений в русской литературе вообще (и в литературе постмодернизма в частности) является роман «Пушкинский дом» (1978) А. Г. Битова. Комментарий в нем огромен. Он внутритекстовый, содержит и развивается от отступления к отступлению оригинальную авторскую теорию художественного вымысла, которая венчается главой «Выстрел (Эпилог)». В ее рамках происходит метароманное совмещение авторского и персонажного миров. Внутритекстовые комментарии показывают возрастающую динамику, которую можно проследить даже по количеству страниц. Так, первый «Курсив» занимает 1-страницу текста, второй – 2 стр., третий – 2 стр., четвертый – 2 стр., пятый – 2 стр. Затем идет «Приложение ко второй части. Профессия героя», которая представляет из себя авторский метафигиональный комментарий на 3 стр. Далее приводится статья героя Левы Одоевцева «Три пророка» в пересказе, с комментарием эксплицитного автора на 12 стр. Следом идет шестой курсив на 2 стр. Затем «Выстрел (Эпилог)» на 2 стр. и следом за ним седьмой курсив на 2 стр., который является игровым авторским метафигиональным комментарием. Затем идет глава «Приложение к третьей части. Ахиллес и черепаха (отношения автора и героя)», в которой метафигиональный комментарий занимает 3 стр. из 8. После – затекстовый адаптационный комментарий, трансформированный в концепционный, так как относится к автобиографической модальности и принадлежит эксплицитному автору, на 36 стр. объемом и «Обрезки (Приложение к комментарию)» на 10 стр. Таким образом, даже без подсчета иных комментативных фрагментов текста налицо возрастающая динамика внутритекстового комментария 1, 2, 2, 2, 2, 3, 12, 2, 2, 2, 3, 36, 10 страниц соответственно (подсчет ведется по изданию (Битов, 2013)). Причем, начиная с пятого курсива, основной массив комментаторского дискурса падает на вторую половину повествования, а на самый конец романа приходится 49 страниц комментария. Здесь налицо ярко выраженная концепционная динамика. Закономерно и распределение бесчисленных парантез. В первой половине текста содержится 58 из 69 аналитических парантез, в которых описательный дискурс приобретает метаязыковые черты, но остается тематически интегрированным в повествование. Например, в описании внутреннего мира Модеста Одоевцева, деда главного героя, Льва Одоевцева: «...оскорбление алкоголем, унижение от “химизма” собственной мысли (то есть уже в любом случае, ее условность, относительность, неестественность)» (Битов, 2013, с. 47). В этих и других скобках нарратор углубляет описание и характерологию, прибегая к метаязыку. Сюда же, к адаптационной стратегии, относятся и парантезы уточнения слов, модифицированные постмодернистским дискурсом глоссы, из которых 24 из 32 приходятся на первую половину текста. Как, например, в предложении «То есть все это достается сейчас (в смысле “достать, доставать”))» (Битов, 2013, с. 14). То же характеризует и весь остальной комплекс уточнений. Уточнение перспективы: «Кариатиды высокого и узкого, устремленного вверх лба (оттуда взгляд, из-за колонн...), темная борода, усы...» (Битов, 2013, с. 24). Уточнение вещей и явлений: «О самом обыкновенном обручальном кольце (“желтого металла”, как выразился бы следователь)» (Битов, 2013, с. 85) или «Он выпил стакан залпом (дед еще намешал туда что-то вроде “Митинки”)...» (Битов, 2013, с. 35). Напротив, во второй половине характер парантез закономерно меняется. Увеличивается количество заключенных в скобки реплик персонажей. Осуществляется переход уточнения

слов из справочной или цитатной модальности в игровую, рефлексивную: «Чтобы Митишатъев обнаружил “комплекс” (приходится применить-таки это не объясняющее ничего слово, потому что Лева этим словом думает...)» (Битов, 2013, с. 188). Здесь размышление о слове представляет собой метанарративную рефлексию о выборе средств выражения и одновременно смыкается с аналитической характеристикой внутреннего мира персонажа. Сама аналитическая характеристика в скобках к концу романа меняет свое содержание, обозначается ее интертекстуальная природа. Например, в предложении о Лева: «И вот с таким запасом, с воспоминанием о вкусе супа (и то бессознательным – для неопрустовских вылазок у него сейчас не тот строй)» (Битов, 2013, с. 305). В парантезы заключается не связанный, а противопоставленный нарративу критический дискурс: «Не выйти на середину и запеть! (Вот мы и уплатили дань всеобщей обязательной карнавализации повествования...)» (Битов, 2013, с. 178). Вплоть до миниатюрного, но тематически идентичного с «Курсивами» и «Версиями и вариантами» размышления о роли персонажа дяди Диккенса, причем с композиционной отсылкой: «Он нам сейчас нужен – его никто не заменит. (Мы оправданы хотя бы тем, что известие об его смерти входило, в свое время, в главу под тем же расхристанным названием “Версия и вариант”...)» (Битов, 2013, с. 206). То есть мы опять наблюдаем, как и в предыдущих примерах, что адаптационный комплекс авторских комментариев по ходу «Пушкинского дома» убывает, напротив, все большую автономность и, следовательно, больший объем текста занимают авторские концептуальные комментарии.

Заключение

В заключение нашего исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, функциональный анализ элементов периферии текста и комментариев нарратора показывает близость комментариев в парантезах и в подстрочных примечаниях, позволяя объединить их в единый комплекс, интегрированный в художественное произведение. Парантезы и примечания выполняют функцию пояснения, уточнения, приведения перевода, предоставления историко-фактографической информации, что соответствует реальному, лингвистическому, историческому типам примечаний, но также в них довольно часто приводятся авторские интерпретации, концепции литературно-критической, философской природы, в них производится авторская моделировка читательской рецепции, отсылающая к функциям нарратора. Таким образом, в едином комплексе комментария как совокупности примечаний и парантез прослеживается не только единство, но и различные полюса проявления авторского сознания, которое определяет вариативность его структуры, коррелирующей с тем или иным набором его функций.

Во-вторых, композиционный анализ показал, что комплекс парантезов и примечаний, в полном соответствии с природой комментария, привязан к распределению потенциально неясных для читателя или важных по мнению автора мест в тексте. Так, имеющие информационную функцию части комментария располагаются в начале текста, в экспозиции хронотопа, в моментах перемены стиля или введения в текст документа. Они служат адаптации читателя: к новой экзотической, связанной с хронотопом лексике, к новым персонажам, как в «Приключениях Мирамонда», к карикатурному характеру изображаемого мира и к манере автора обращаться с документом в тексте, как в «Истории одного города», к особенностям поэтики и авторского стиля, как в «Пушкинском доме». Такие комментарии убывают от начала к концу, так как исчерпывают свою функцию. Напротив, интерпретационный, оценочный и концептуальный комментарий количественно возрастает. В «Приключениях Мирамонда» ближе к концу проводится мифологический анализ риторических фигур, в «Истории одного города» автор вторгается в текст для объяснения специфики вымысла, в «Пушкинском доме» и вовсе роман приобретает под конец характер автолитературоведческого трактата. При наличии двух разнонаправленных динамик единство комплекса комментариев не ставится под вопрос, так как, во-первых, убывание и возрастание охватывают и внутритекстовые, и внетекстовые примечания. Во-вторых, перемены динамики связаны с композицией повествования: хронотоп, как в «Приключениях Мирамонда», может вводиться под конец произведения, и наоборот, роман может начинаться с концептуального размышления, как «Пушкинский дом». В-третьих, проглядывается общий характер комплекса примечаний: равновесный, как в «Истории одного города», где адаптационная и концептуальная динамики симметричны, возрастающий в «Пушкинском доме» или убывающий в «Приключениях Мирамонда».

Логической перспективой исследования динамики авторского комментария является насколько возможно предельное расширение материала, желательно с применением компьютерных методов анализа. Следует также сравнить разные «композиции» комплекса комментариев, развить мысль об общем характере динамики, несмотря на локальные возрастания и убывания, провести анализ произведений, принадлежащих к другим субпарадигмам. Отдельный интерес будут представлять исследования динамики примечаний в литературных произведениях других родов: в поэзии, в драме.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа. Языки русской культуры, 1996.
2. Алтымбаева Г. М. Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в мемуарной книге А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 1.

3. Баршт К. А. О направлениях и пределах комментирования художественного текста // Вопросы литературы. 2009. № 5.
4. Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Мировое древо = Arbor mundi. 2007. № 14.
5. Жиличева Г. А. Перипетийная интрига // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): коллективная монография / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022.
6. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана: монография. М.: Intrada, 2014.
7. Комментарий. Теория и практика / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2024.
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.
9. Малышев А. А. Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178).
10. Рейсер С. А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978.
11. Тюпа В. И. Два крыла художественного письма // Studia Litterarum. 2023. № 1.
12. Тюпа В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010.
13. Тюпа В. И., Максимова Е. С. У меня один вопрос: почему мой любимый Бахтин не оценил моего любимого Чехова? // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. № 3.
14. Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. М., 2006.
15. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. М.: Языки славянских культур, 2006.
16. Dawson P. From Digressions to Intrusions: Authorial Commentary in the Novel // Studies in the Novel. 2016. Vol. 48. № 2.
17. Fludernik M. Metanarrative and metafictional commentary: from metadiscursivity to metanarration and metafiction // Poetica. 2003. Vol. 35. № 1/2.
18. Fořt B., Koteš J. Narrator's Commentary in Czech Literature (1300-1900) // Handbook of Diachronic Narratology / ed. by P. Hühn, J. Pier, W. Schmid. Berlin – Boston, 2023.
19. Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie. Stuttgart – Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2008.
20. Nunning A. On metanarrative: towards a definition, a typology and an outline of the functions of metanarrative commentary // The Dynamics of Narrative Form: Studies in Anglo-American Narratology / ed. by J. Pier. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2004.
21. Readioff C. From Innovative Paratext to Satirical Stereotype: Charlotte Smith, Matthew Lewis, and Eaton Stannard Barrett // Epigraphs in the English Novel 1750-1850: Seducing the Reader. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023.
22. Vaysman M. Self-Conscious Realism: Metafiction and the Nineteenth-Century Russian Novel. NED-New edition. Modern Humanities Research Association, 2021.
23. Wolf W. Ästhetische Illusion und Illusionsdurchbrechung in der Erzählkunst. Theorie und Geschichte mit Schwerpunkt auf englischem illusionsstörendem Erzählen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993.

Информация об авторах | Author information

Дейкун Илья Дмитриевич¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ilia Dmitrievitch Deikun¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow

¹ iliariy@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.04.2025; опубликовано online (published online): 07.05.2025.

Ключевые слова (keywords): авторский комментарий; авторское примечание; композиция; роман; эмпирическое исследование литературы; author's commentary; author's note; composition; novel; empirical research of literature.